

ТРАНСФОРМАЦИЯ МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБЛИКА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ШЕСТОЙ АРМИИ ВЕРМАХТА В СТАЛИНГРАДСКОМ «КОТЛЕ»

Молотов Сергей Николаевич,

канд. исторических наук

Тамбовский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Тамбов, Россия

E-mail: shummer80@gmail.com

УДК 94(48).083

В статье на основе многочисленных писем, дневников, воспоминаний военнослужащих шестой армии вермахта предпринимается попытка сформировать целостную картину «войны и жизни» в Сталинградском «котле». Анализу подверглись процесс складывания ценностных представлений, трансформации образа врага в сознании военнослужащих, особенности адаптации фронтовиков к военным реалиям, фронтовой быт в условиях окружения.

Ключевые слова: Сталинградский «котел», шестая армия вермахта, немецкие военнослужащие, образ врага, морально-психологический облик, фронтовой быт, трансформация личности.

THE TRANSFORMATION OF THE MORAL AND PSYCHOLOGICAL PORTRAIT OF THE 6TH WEHRMACHT ARMY SOLDIERS IN THE STALINGRAD “CAULDRON”

Molotov Sergey N.

Doctorate of History

Tambov branch of the Russian presidential academy of national economy and public administration,
Tambov, Russia

E-mail: shummer80@gmail.com

UDK 94(48).083

The article attempts to form a complete picture of "war and life" in the Stalingrad "cauldron" based on numerous letters, diaries, memoirs of soldiers of the 6th Wehrmacht Army. It analyses the processes of value concepts forming and transforming of the enemy image in the soldiers' minds, peculiarities of soldiers' adaptation to the realities of the war, frontline life in the conditions of the encirclement.

Keywords: Stalingrad "cauldron", 6th Wehrmacht army, German military personnel, enemy image, moral and psychological portrait, frontline life, individual transformation.

В связи с последствиями контрнаступления советских войск зимой 1941–1942 гг. и переориентацией направления главного удара немецких войск от Москвы на юг, все бремя ведения наступательных операций переключается на группу армий «Юг». В результате проведенных операций войскам немецкого вермахта удалось в мае 1942 г. овладеть Керченским полуостровом. Таким образом, были созданы предпосылки для подготавливавшегося Германией крупного летнего наступления, или операции «Блау». Ее целью было окружить советские войска западнее Сталинграда в гигантские клещи, уничтожив при этом главные силы советских войск между Донцом и Доном. Еще одной частью операции являлось наступление на Кавказ с целью выхода к нефтяным районам СССР. Итогом этой операции должно было стать создание предпосылок для овладения Москвой, а также победоносного завершения кампании на Восточном фронте в 1942 г.

28 июня 1942 г. началась операция «Блау», которую немецкое командование долго и тщательно готовило. В целях лучшего обеспечения руководства войсками группа армий «Юг» была разделена на 2 части. Южное крыло ее превратили в группу армий «А» (под командованием фельдмаршала В. Листа), имевшую в своем составе 1 танковую и 17 полевую армии; северное крыло – в группу «Б» (командующий – фельдмаршал Ф. фон Бок, позже – генерал-полковник барон фон Вейхс) в составе 4 танковой, 6 и 2 полевых

армий. Существенную роль при проведении этих наступательных операций должна была играть 6-я полевая армия под командованием генерал-полковника Ф. Паулюса [12, с. 255].

С началом подготовки нового крупномасштабного летнего наступления немецких войск в 1942 г., германское командование столкнулось с проблемой физической и душевной усталости большинства военнослужащих на всех участках Восточного фронта. Еще 19 апреля 1942 г. командующий 8-й легко-пехотной дивизией генерал-майор Хене, будучи обеспокоенным «снижением боевого духа солдат», обратился к солдатам с воззванием, в котором настойчиво призывал их не терять мужества. Несмотря на то, что причиной всех неудач фашистских войск во время битвы за Москву объявлялись тяжелые природно-климатические условия: «из-за зимы немецкие войска не были подготовлены к контрнаступлению противника...» [18, с. 172], немецкие военнослужащие все же осознали возросшую опасность со стороны советских войск. Начальник управления кадров 6-й армии вермахта полковник В. Адам писал: «В войсках и в тылу наше первое поражение под Москвой сильно поколебало веру в близость победного конца. Настроение пониженное не только в нашей армии» [1, с. 38].

Отсутствие обещанных отпусков домой после «трудной» зимы 1941–1942 гг. стало дополнительным дестабилизирующим фактором, влияющим на общий психологический климат во фронтовых частях. Отпуска на родину теперь стали редкими, в то время как дополнительные обязанности, в том числе по несению караульной службы, заметно возросли. На новобранцев это оказывало гнетущее впечатление, а у «старых солдат», воевавших уже не первый год, росло чувство раздражения. Многие солдаты, участвовавшие в самых «жарких» сражениях, так и не получили весной 1942 г. возможности уехать в отпуск в Германию. Солдат Хайнц Эдлер в своем письме домой 2 марта 1942 г. написал: «Из нашей роты только двое побывали в отпуске, но сейчас на это абсолютно нельзя рассчитывать» [22, с. 69].

Дополнительные силы, поступающие на фронт, не были представлены в том объеме, которого требовала сложившаяся ситуация к началу крупного наступления на фронте группы армий «Юг». Плюс ко всему, многие офицеры отмечали неприспособленность нового пополнения к ведению боев в условиях Восточного фронта. На смену большому числу погибших немецких фронтовиков, воевавших уже несколько лет, пришло новое «поколение» солдат и офицеров, не способных в кратчайший срок адаптироваться к условиям Восточного фронта. Командир батальона И. Лезер вспоминал: «Все новобранцы были очень молоды и выглядели довольно бледно, и мы все, хотя и не давали этого заметить, были настроены весьма скептически насчет того, смогут ли они сколь либо достойно заменить многих и многих раненых и погибших» [10, с. 159].

Были мобилизованы все моральные силы солдат и офицеров вермахта. Немецкой пропагандой было сделано все возможное, чтобы внушить фронтовикам прежнюю веру в себя. Солдат 377-й пехотной дивизии А. Гартц в своих воспоминаниях отмечал: «Уже давно больше не слышно смеха и пения. Наверное, каждый думает про себя: как долго мне еще будет светить солнце? Мы потеряли связь между собой, нет товарищества, никто не заботится о своем соседе. И с таким подразделением идти в победоносный бой? Все так просто? Если бы мы только знали, почему и за что!? За Германию?» [29, S. 239].

Итогом войны в 1941 г. для немецкого фронтовика стали только оккупированные территории, а никак не окончательная победа. Солдат 13-й средненемецкой дивизии Хайнц Эдлер записал в своем дневнике 22 июня 1942 г.: «Сегодня исполнился год с начала русской кампании. И так, уже год войне с Россией. Пока мы стоим на месте и не знаем, когда двинемся» [22, с. 83]. Солдаты и офицеры вермахта ждали крупных наступательных операций, способных «отплатить» Красной Армии за то длительное время, которое они провели на этой земле, вдали от своих родных. В своем письме жене Эмили Цей от 10 мая

1942 г. солдат Ганс Цей писал: «Мы надеемся, что война в России когда-нибудь закончится, если же нет, то мы покажем русским, что такое немецкая метла» [17, с. 59].

Летом 1942 г., благодаря ряду успешных операций, в сознании рядового германского солдата возможность поражения вытесняется надеждой на скорый триумф германского оружия. Отзвуки Московской битвы остались где-то позади. Наступление, успешно развивавшееся в течение всего лета, дало солдатам вермахта уверенность в том, что война будет закончена в течение 1942 г., а Кавказ и Сталинград будут взяты еще в сентябре. Военнопленный солдат 9 роты 71 саперного полка 29 дивизии Альфонс Новак рассказывал: «Офицеры говорили солдатам: “Возьмем Сталинград, а затем пойдем на отдых. После отдыха и пополнения должны идти на Астрахань, в Астрахани зазимуем. Весной будет взят Кавказ и с Россией будет покончено”» [16, с. 561]. Вильгельм Гофман, служивший сначала в ротной, а затем в батальонной канцелярии 297 пехотного полка 94 пехотной дивизии, записал в своем дневнике 29 июля 1942 г.: «Выйти на Волгу и взять Сталинград для наших армий не такое уж сложное дело». А 10 августа появилась новая запись: «Мы все уверены, нас не остановит» [19, с. 382].

К концу августа 1942 г. перешеек между Доном и Волгой был блокирован. Были созданы условия для фронтального наступления на Сталинград. Уже с сентября германские войска вели непосредственные бои за город. В ежедневных сообщениях Министерства пропаганды для прессы от 15 сентября 1942 г. отмечается: «Битва за Сталинград приближается к своему успешному завершению» [38, S. 232]. Однако отчаянное сопротивление советских войск породило у противника сомнения в скором окончании военной операции. Немецкий солдат Ганн на допросе в советском плену рассказывал: «...Раньше было объявлено, что Сталинград будет взят к 1 сентября. Это уже не первый срок, который мы слышим, приходящие с фронта заявляют, что бои под Сталинградом необычно тяжелые... В связи с этим можно слышать среди солдат нашей роты разговоры о том, что, хотя в этом году германское командование было осторожнее, оно все же недооценило русских сил, так как кругом говорили, что вот-вот война закончится. Теперь снова приходится разочаровываться – и это не в первый раз...» [17, с. 74]. В подобном тоне высказывались и другие немецкие военнопленные. Военнопленный Артур Шуберт из 501 строительного батальона, взятый в плен в первых числах сентября, сообщил: «Нам говорили, что Сталинград будет взят в конце августа, потом в начале сентября, а теперь о сроках уже не говорят»; военнопленный унтер-офицер Георг Глейм (дивизион ПТО 7 рота 11 пехотной дивизии) так передавал настроения солдат: «Нам офицеры говорят, что мы возьмем Сталинград, и для нас война окончится, так как дальше Волги немцы не пойдут. Никто из солдат этому не верит, так как мы зашли слишком далеко в Россию» [16, с. 561]. Отказавшись от надежды на окончание войны в 1942 г., солдаты видели перед собой перспективу второй зимы в русских условиях: «Говорят, что немецкая армия дойдет до Волги, здесь построит оборонительную линию, создаст гарнизоны в основных населенных пунктах и будет зимовать...» [17, с. 74].

Раздражение в связи с провалом многочисленных попыток окончательно овладеть Сталинградом приводило многих немецких солдат и офицеров к мысли о безысходности этого сражения: «Сталинград все еще не пал. Хотя осталось всего каких-то 100 метров в длину и 100 метров в ширину, мы никак не можем взять этот кусок, несмотря на то, что несметное количество дивизионов атакуют русских почти каждый второй день. Но каждая атака останавливается и отбивается. Иногда целый день идет борьба за один дом» [30, S. 133]. Уже упомянутый Вильгельм Гофман записал в своем дневнике 22 октября 1942 г.: «Кто мог думать три месяца назад, что вместо радости победы мы будем нести такие жертвы и мучения, конца которым не видно? Солдаты называют Сталинград братской могилой вермахта. ...Каждый солдат считает себя смертником. Единственная надежда – получить ранение и уехать в тыл» [19, с. 278]. Порой единственным положительным

моментом оказывалось лишь то, что солдат был пока жив: «...Обсуждали обстановку, в которой мы находимся и что мы успели за прошедшее лето. Пришли к заключению, что мы, несмотря на все несчастья, много раз испытывали очень даже большое счастье (жить), которое только можно придумать» [30, S. 135].

Кровопролитные бои, развернувшиеся за овладение Сталинградом в сентябре – ноябре 1942 г., стали настоящим испытанием для солдат по обе линии фронта. Знаменитая прусская военная дисциплина, вера в идеи национал-социализма, избранность арийской расы и непогрешимость фюрера еще укрепляли боевой дух немецких военнослужащих. Но в условиях ожесточенных крупномасштабных уличных боев увеличилось число дисциплинарных нарушений. Причиной такого рода явлений становится всевозрастающий страх военнослужащих перед «полем боя». Смерть товарищей, страх за собственную жизнь, безрезультатность сражения, чрезвычайная насыщенность войсками места сражения – все это вызывало у солдата желание вырваться из этого «ужасного мира». В связи с этим значительное распространение получает «психоз войны». Чрезвычайно важным являлся сам непосредственный фактор ведения боевых действий: канонада целыми неделями, днем и ночью, непереносимое ожидание смерти, когда кажется, что именно за тобой следит самолет, под тебя минируются поля, на тебя наводятся орудия. Еще большее воздействие оказывала на солдат «атмосфера большого сражения»: громадные потери живой силы, поле, испещренное огромными воронками, тысячи трупов, вид раненных и убитых товарищей, шумовые эффекты, химические, физические и психологические воздействия. Часто во время боя, из-за невозможности получить помощь, нарастало ощущение ошеломления. Порою непереносимая ситуация сражения приводила некоторых солдат к желанию получить тяжелые ранения, лишь бы уйти с поля боя. Частым было желание покончить жизнь самоубийством.

Ощущение себя в качестве «пушечного мяса» приводило солдат и офицеров к мысли о дезертирстве. Желание выжить, вернуться к семьям стало для них чуть ли не главным мотивом поведения, несмотря на опасность быть расстрелянным: «Прошедшей ночью один солдат из 3 подразделения дезертировал. Я видел его сегодня утром, его возвратили, чтобы показать врачу. Теперь он решает, нормален ли он: чтобы они смогли “совершенно обычно” наказать его как дезертира. Я посмотрел на него: красивый, светловолосый парень, вероятно, лет 19, с мягким мечтательным лицом. Но в глазах – безумие, страх перед наказанием, которое теперь не минует его» [29, S. 202]. Один из неизвестных немецких солдат написал в своем письме родным: «Можно самому себе внушать сколько угодно мужества и веры, но все это абсолютно не нужно. Приходят мысли о любимых, сравнения, как живешь здесь, и как можно было бы жить без войны. Это может медленно, но верно подорвать дух» [30, S. 219].

В донесении УОО НКВД СССР в ГПУ РККА о реагировании солдат противника на упорное сопротивление советских войск под Сталинградом (не позднее 15 августа 1942 г.) отмечалось: «По сообщению Особого отдела НКВД Сталинградского фронта, настроение немецких солдат, в связи с упорным сопротивлением советских войск под Сталинградом, резко снизилось. В гитлеровской армии стали учащаться факты антивоенных высказываний и отказа от выполнения приказаний, особенно со стороны пожилых солдат. Наблюдается рост дисциплинарных проступков». Далее были приведены следующие факты: «Обер-ефрейтор 40 противотанкового дивизиона 24 танковой дивизии Штольберг категорически отказался выполнять приказание – доставить пакет на передовые позиции. В присутствии солдат он заявил: “Мне надоело подставлять свою голову под пули. Я уже сыт войной”. Штольберг был расстрелян. В Мариупольской тюрьме даже был отведен целый корпус для арестованных немецких солдат. Известны случаи, когда содержавшихся в этой тюрьме немецких солдат по приговору суда расстреливали. Также из показаний военнопленных известны случаи дезертирства солдат-саперов из гарнизона в г. Миндена

(Германия). При этом были факты, когда солдат, пытавшихся бежать из казарм, расстреливали на месте» [17, с. 50]. Участились случаи симуляции заболеваний с целью попасть домой или, в худшем случае, во фронтовую госпиталь. В дневнике солдата В. Гофмана имеется следующая запись: «Среди солдат появились самострелы и разные симулянты. Каждый день пишу о них по два – три донесения» [19, с. 278].

Зачастую своеобразным «призывом» к бегству являлись письма из дома: «...Лучше оставьте это и возвращайтесь домой. Эта война никогда не покажется легкой, все несчастья обрушились на нас и уже не веришь, что мир когда-нибудь будет хорош» [17, с. 72]. Для неспособных больше переносить всех лишений войны солдат такие письма родных могли стать толчком к тому, чтобы попытаться вернуться к «прежней счастливой жизни». Так, отправленный в командировку в Германию шофер штаба 675 саперного батальона Концт в течение 4 месяцев ничего не давал знать о себе, и лишь в результате объявленного розыска был обнаружен [17, с. 109]. В качестве наказания за всевозможные проступки в германской армии применялась посылка в штрафные роты. Эти роты ставились на самые опасные участки фронта и среди солдат иронически назывались «химмельфарткомандо», т. е. «команда по поездке на небо» [17, с. 111].

Взятый в плен унтер-офицер 129 танкового дивизиона 29 механизированной дивизии Вилли Цейдлер заявил, что боевое настроение немецких солдат поддерживается строжайшей дисциплиной и системой жестоких наказаний за каждый проступок. В связи с этим, следует отметить, что за отказ воевать и пораженческие настроения в 6 армии было вынесено более 360 смертных приговоров [23, S. 86].

Описанный выше характер настроений военнослужащих 6 армии вермахта при всей своей типичности разнился в зависимости от возраста и боевого опыта. Из показаний обер-ефрейтора 71 пехотного полка 29 механизированной дивизии Шнейдера, взятого в плен в середине августа 1942 г., выяснилось, что личный состав его части неоднороден: солдаты старших возрастов считают, что войну нужно закончить поскорее, при этом не важно с каким исходом, так как они устали и стремятся поскорее вернуться к семьям, солдаты молодых возрастов настроены довольно бодро и желают воевать до победного конца [23, S. 95]. В подобном же духе в сентябре 1942 г. заявлял на допросе в советском плену солдат 376 пехотной дивизии Рейнгард Диккерт: «Рота, в которой находился я, была укомплектована возрастными 30–35 лет. Все они не хотели воевать, устали и не верят в победу. Все были убеждены, что германским войскам не удастся взять Сталинград, говорили, что будет то же, что с Москвой и Ленинградом» [17, с. 77].

Тем не менее, из показаний пленных, трофейных писем и дневников видно, что морально-психологическое состояние большинства немецких солдат и унтер-офицеров осенью 1942 г. было все еще сориентировано на боевые действия и победу. В Докладной записке ОО НКВД СТФ в УОО НКВД СССР «О дисциплине и морально-политическом состоянии армии противника» от 31 октября 1942 г. констатировалось в связи с этим: «В целом дисциплина германских солдат может быть названа весьма высокой» [17, с. 109]. Так, солдат 276 пехотного полка 94 пехотной дивизии Ганн Порман, взятый в это время в плен, показал, что моральное состояние части неплохое, усталости у солдат не чувствуется, пораженческих настроений среди солдат и офицеров нет; напротив, имеется уверенность в победе Германии [9, с. 95]. Солдат 261 пехотного полка 113 пехотной дивизии на допросе в советском плену в сентябре 1942 г., говоря о настроении солдат 6 германской армии, указывал, что оно менялось еще в основном в зависимости от питания, последнее в настоящее время резко ухудшилось, что вызывает резкое недовольство солдат [17, с. 82-83].

В результате контрнаступления советских войск в ноябре 1942 г. 6 германская армия была окружена в районе Сталинграда. Практически сразу поступает директива от Министерства пропаганды, предписывающая прессе: «Комментарии о положении южной

области Сталинграда следует сводить к подчеркиванию суровости сражения, до тех пор, пока не будет выяснен исход операции» [38, S. 234]. Незадолго до этого в приказе Гитлера от 17 ноября 1942 г. отмечалась некоторая обеспокоенность результатами сражения: «Мне известны трудности борьбы за Сталинград и упавшая боевая численность войск... Я ожидаю, что руководство еще раз со всей энергией, которую оно неоднократно демонстрировало, а войска с искусством, которое они часто проявляли, сделают все, чтобы пробиться к Волге» [8, с. 343].

Немецкие военнослужащие восприняли первоначально новость об окружении как вполне нормальный военный факт. Офицер разведки 6 армии И. Видер так характеризовал сложившуюся ситуацию: «Люди на передовой считали создавшееся положение бедой поправимой, обычным делом, без которого на фронте не обходится, и были даже уверены, что после благополучного исхода участники сражений получают, как это обычно бывает, особый знак отличия – какую-нибудь сталинградскую нашивку или памятную медаль за выход из “котла”» [5, с. 55]. Солдаты зачастую воспринимали сложившуюся ситуацию как возможность отличиться перед отпуском домой. Ефрейтор Курт Каннеман (п/п № 44845) в своем письме брату 19 ноября 1942 г. писал: «В эту зиму мы удирать не будем, русские такого счастья не дождутся. У нас хорошие позиции: если Волга не замерзнет, то у нас будет спокойно...» [13, с. 10].

Однако к началу декабря 1942 г. военнослужащие в большинстве своем начинают понимать всю серьезность ситуации, в которой они находятся. По-прежнему вера в Гитлера, в то, что он не бросит их на произвол судьбы, придавала силы немецкому солдату. 19 ноября один из солдат 6 армии написал родным: «Но мы же знаем, слава Богу, что все, что делает фюрер, всегда правильно, и мы можем положиться на него на все 100 процентов» [30, S. 131].

Сражение за Сталинград, в психологическом плане, стало для немецкого солдата своеобразной вехой, предопределяющей судьбу Германии. Обер-лейтенант Генрих Боберг, командир 5 роты 44 пехотной дивизии, во время допроса в советском плену 10 декабря 1942 г. заявил: «...Битва за Сталинград является решающим моментом боев 1942 г.; будет эта битва выиграна – мы выиграем всю летнюю кампанию, а нет – значит военное счастье отвернулось от нас...» [13, с. 8].

Однако если до октября письма немецких солдат 6 армии мало отличались от писем с других участков фронта, то с началом советского контрнаступления содержание корреспонденции коренным образом меняется: «Лучше не говорить родине всего. Кладбища вырастают каждый час... Война в России закончится только через несколько лет. Конца не видно. Жаль, что мы вынуждены переживать подобное время и что мы родились и существуем в такую эпоху... Мы стыдимся нашей жизни» [3, с. 15]; «Дорога ведет мимо крестов. И они все пали “за Великую Германию”, пали, сдохли и забиты как скот» [29, S. 284]. «Оснащенные самым современным оружием русские наносят нам жесточайшие удары...»; «Я не думаю, что Сталинград падет – русс ведь так упрям, вы себе и представить не можете»; «Минута не проходит, чтобы земля не гудела и не дрожала; иной раз кажется, что наступил конец света. Наш блиндаж трясется так, что стены и потолок осыпаются. Ночью настоящий град бомб. Вот таков фронт под Сталинградом. Уже много наших солдат рассталось здесь со своей молодой жизнью и не увидят больше родины»; «Никому и во сне не снилось, что русский под Сталинградом будет держаться так долго» [13, с. 12,15,21,25].

К началу декабря 1942 г. ситуация на всем фронте 6 армии ухудшилась. Несмотря на все обещания фюрера, так и не удалось наладить в полном объеме снабжение всей армии по воздуху. Командование армии ставило вопрос о ежедневной присылке 300 тонн груза. Эта цифра была минимальной, при которой армия сохраняла бы возможность вести боевые действия. Только хлеба зажатым в кольцо войскам требовалось 40 тонн в день. В

среднем же, однако, тоннаж перевозок с 25 ноября по 11 января достигал 104,7 тонны [36, S. 531]. В момент окружения склады 6 армии, находившиеся внутри «котла», оказались разрушенными. Поэтому с 26 ноября 1942 г. норма продовольствия была сокращена до 350 граммов хлеба и 120 граммов мяса. Суточный рацион хлеба была затем уменьшен до 300 граммов, а с 8 декабря – до 200 граммов [15, с. 442].

Подобная ситуация с продовольствием негативным образом влияла на общее моральное состояние военнослужащих. Вместо того чтобы думать о передовой, мысли многих солдат были заняты едой. Вот как пишет об этом уже упомянутый И. Видер: «...Слонялись солдаты из различных дивизий, отбившиеся от своих частей или самовольно покинувшие их, мародеры и “заготовители”, на собственный страх и риск отправившиеся на добычу чего-либо съестного и стремившиеся увильнуть от направления на передовую» [5, с. 128].

Ситуация с продовольствием в «котле» постоянно ухудшалась. Многие солдаты стали ощущать себя «преданными и проданными» [2, с. 325] своим командованием в связи со все ухудшающимся продовольственным положением. Их «запасы на черный день» были уже давно тайком съедены, поэтому официальное разрешение на это армейского руководства незадолго до Рождества вызывало только смех. Немецкий танкист пишет 19 декабря своим родителям: «У меня давно нечего есть. Само собой разумеется, рационы давно сократили. Уже несколько недель мы получаем в день по 200 гр. хлеба, 15 гр. жира и 40 гр. искусственного меда» [26, S. 1054]. Приказом от 26 декабря 1942 г. дневные рационы хлеба со 100 грамм сокращались до 50. 6 января 1943 г. генерал медицинской службы Ренолди в письме к оберквартирмейстеру 6 армии по поводу ситуации с голодом отмечал: «Опасность даже не в том, что солдат ежедневно недоедает, учитывая собственную массу тела, а психические последствия хронического голода. Они могут привести к тому, что однажды враг ворвется, не встретив нигде существенного сопротивления».

В своих декабрьских письмах родным солдаты вермахта все чаще пишут об обострившихся проблемах с питанием, высказывая свое негативное отношение к происходящему. В письме от 12 декабря 1942 г. своей жене обер-ефрейтор Рейхе (п/п № 25999) пишет: «Я знаю, что вам-то еще хорошо. Я был бы счастлив, если бы у меня была бы пара картофелин...» [17, с. 292]. Арно Кирсте (п/п № 14649 С) 31 декабря 1942 г. сообщает: «...На Рождество от знакомого солдата из Шпандау я за 2 папиросы и добрые слова получил 2 хлеба на 6 человек. Этот хлеб показался нам рождественским пряником. Ведь обычно мы получаем лишь 1 хлеб на 8 человек – 175 граммов в день. Это так мало!». О скудном питании пишет Иоганн Штельнер (п/п № 18869) и ефрейтор Ф. Кирхнер: «Вот уже 40 дней мы здесь, но ничего, кроме отчаяния, не замечаем. И все это при норме 200 граммов хлеба на день и супа из конины. Пища пресная, соли почти нет» [17, с. 314].

Неспособность самостоятельно вырваться из окружения порождала у солдат ощущение, что они всего лишь пассивные фигуры в этой войне. Они очень желали вернуться к мирной жизни, чтобы все снова пошло «своим установленным ходом». Росту отчаяния способствовало и чувство ненужности и никчемности собственной деятельности – во всяком случае, в Сталинграде можно было надеяться только на спасение извне.

Немецкая исследовательница К. Лаффлер отмечает, что многие из солдат пытались незанятое боями время проводить вместе с друзьями, чтобы как-то разгрузить свою психику от постоянных стрессов. Так, солдат Рихард М. проводит свое личное время в кругу друзей. В отделении, особенно до окружения, поют и музицируют или играют в азартные игры и шахматы [34, S. 143-144]. Позже, в начале января 1943 г., солдат Х. Кноллер пишет в Германию: «Почта не приходит, книги заканчиваются, ни у кого больше нет радио; и охота на клопов, вшей и блох также наскучила. Остается только время от времени вытаскивать портмоне и снова смотреть фотографии, – моя маленькая женщина

дома, в саду или в лесу Рюген, в воздушном купальнике, со стройными, красивыми ногами...» [31, S. 86].

В создании обстановки «мирной жизни» в «котле» очень помогли сохранившиеся приемники и граммофоны. Так, один из солдат пишет: «...хорошо, что у нас есть радиоприемник вермахта, музыка, по крайней мере, настраивает нас на другие мысли» [30, S. 206]; «Вечером мы слышали в нашем бункере отличную танцевальную музыку из Белграда...» [30, S. 111]. В период, когда еще более или менее хорошо работало почтовое сообщение, многие военнослужащие были обеспечены печатной продукцией, из которой можно было узнать что-нибудь из своей «прошлой» мирной жизни. Один из солдат пишет родственникам: «Я получил также несколько газет и журналов. И хотя газеты уже старые, читать их – огромное удовольствие» [30, S. 138]. «Что касается литературы, – пишет домой солдат Ф. С., – то кроме бесчисленных романов особой альтернативы не было. Я взял с собой маленькое издание “полевой почты” Гете и В. Флекса. Со временем Гете стал моим верным спутником» [31, S. 428].

12 декабря 1942 г., с началом деблокирующего наступления армейской группы «Гот», военнослужащие 6 армии поверили в реальную возможность выбраться из «котла». Солдаты в «котле» под Сталинградом думали об этом, как о важнейшем событии их жизни, жизни их семьи, родины и будущего [28, S. 24]. Все больше появляется слухов о мифических наградах и подарках солдатам. Ефрейтор Зигмунд Фрейс (п/п № 24035) пишет: «...Говорят, что на Украине для каждого солдата, находящегося в окружении, заготовлена посылка весом 6 кило...» [13, с. 39]. Однако вскоре становится очевидным провал деблокирующего наступления. Томительное ожидание спасения превращается в очередную несбывшуюся надежду. Гаупт-вахмистр Пауль Мюллер (п/п № 22468) написал 28 декабря 1942 г. в письме домой: «...Каждый день мы задаем себе вопрос: где же наши спасители, когда наступит час избавления, когда же? Не погубит ли нас до того времени русский...» [13, с. 40]. Для многих солдат становится очевидным, что только «чудо извне» еще может их спасти.

В этих условиях, о необходимости психологической связи с нормальной жизнью, свидетельствовала встреча солдатами и офицерами 6 армии вермахта Рождества и Нового года. Офицер разведки 6 армии И. Видер так описывал рождественское убранство генеральского блиндажа: «пожелтевшие сосновые ветки... серебряные гирлянды, старательно склеенные из бумажной фольги (ее было достаточно в коробках из-под сигарет)» [5, с. 79]. Самодельные украшения и елки большинство солдат пыталось соорудить в каждом блиндаже, – «Несмотря на обстановку мы наделали всякой всячины: чудесную подставку для рождественской елки, ясли и маленькую рождественскую елочку с самодельными украшениями» [30, S. 189]. Армейский священник К. Аугустинус делится впечатлениями со своим родственникам в письме от 10 января 1943 г.: «Мы просто взяли маленький куст, раскрасили ветви в зеленый цвет и украсили красной и серебристой бумагой и ватой “дерево”. На нем было еще 5 рождественских свеч, так что получилось очень милое деревце» [27, S. 220]. Военный корреспондент Х. Шретер так вспоминает Рождество в «котле»: «Они не сидели в Сталинграде за длинными столами, покрытыми белыми скатертями, не было ни орехов, ни яблок, а лишь несколько небольших елочек из леса или из посылок, присланных когда-то по полевой почте. Если у кого-нибудь была свечка, ее втыкали в горлышко от бутылки, в доску рядом с амбразурой, в каску, в ящик или крепили на какой-нибудь ветке. Свечка горела не более пяти минут – затем ее хозяин задувал пламя и прятал ее для следующего вечера. Ряды солдат сильно поредели, поэтому приходилось держаться всем вместе. Столами служили доски и ящики, бокалами – кружки. Кому повезло, пил из них водку, если начинало тошнить вино. Но в большинстве случаев никого не тошнило, так как пили немецкий чай и талую снеговую воду» [20, с. 166].

Почти всеобщее «обращение» 6 армии к Богу, вера большинства солдат в спасение приводили их к мысли о «реконструкции» рождественских служб. Солдаты с вдохновением проводили подобные службы в кругу товарищей. Для этого даже «воссоздавался» по мере возможности антураж реальной службы: «...Стоял трехметровый столб, на котором с интервалом в пятьдесят сантиметров были расположены поперечные столбы, как на кресте, а к последним по диагонали прикреплены толстые палки. Но все дело в том, что на этих палках горели огоньки – три десятка огоньков горело на рождественской елке, сооруженной из столбов и палок... Перед “деревом” кто-то стоял: на плечах покрывало, левая рука в бинтах, голова не покрыта, а в правой руке – тридцатисантиметровый крест, сделанный из двух прибитых перпендикулярно друг к другу дощечек. За “деревом” стояла странная группа, состоящая из двух десятков закутанных во что-то фигур: все обмотаны одеялами, головы перевязаны, на ногах бесформенная обувь, на палках и костылях... Они пели проходящим рождественские песни» [20, с. 174].

Рядовой Л. Альсдорф в своем письме домой вспоминает: «В первое Рождество прибыл полевой священнослужитель на наш скромный праздник. Между высокими елями в глубоком снегу стояла фисгармоника. Встав в круг, мы пели “Тихая ночь, святая ночь”, в то время как по нашим худым щекам стекали слезы. Это была безутешная картина: умирающие с голоду и больные телом и душой, по колено в снегу, мы стояли и думали о родине, которую, пожалуй, многие из нас никогда больше не увидят» [31, S. 31]. Подобное «благословение» своих товарищей характеризовало стремление большинства военнослужащих почувствовать себя в нормальных условиях, желание хотя бы на несколько часов осознать себя человеком, способным давать надежду другим людям.

Часть солдат пыталась отойти от реальности, полагаясь на Бога, который должен защитить их и обеспечить возвращение домой. Представление, что все в руках Божьих, видимо, смягчало их чувство изолированности и безнадежности, чувство своей незащитности перед лицом обстоятельств: «Но чему помогут все эти стенания и жалобы, от этого едва ли будет лучше, тут лучше всего может помочь молитва, чтобы перенести эти часы тоски по родине...» [36, S. 64]. В своем письме домой солдат Пауль Вольце подчеркивал: «...Да, здесь приходится благодарить Бога за каждый час, что остаешься в живых. Здесь никто не уйдет от своей судьбы» [13, с. 18].

Это представление помогало мириться с постоянной опасностью смерти: «...Богослужение в вермахте посещали многие солдаты и офицеры. Внутренняя необходимость заставить себя подумать о себе. Они пытаются хоть на мгновение уйти в себя, даже если в эти часы гремят орудийные канонады» [21, с. 194]. Кто-то отдавал себя в руки судьбы, другие пытались справиться со своими страхами и вернуть смысл своим действиям, усматривая в происходящем наказание за какую-то их личную вину. Некоторые ждали своей смерти и считали, что нужно быть психологически готовым к ней – может быть, чтобы как раз не оказаться жертвой случая: «Я, наверное, не сумел как следует отблагодарить Господа Бога за то, что он до сих пор оставил мне жизнь. Ежечасно я вижу перед глазами смерть» [30, S. 202].

Несмотря на все старания, по признанию большинства солдат, эти праздники были самыми грустными в их жизни, прошедшими под знаком всепоглощающего желания досыта наесться. «...Такого Рождества и Сочельника, – пишет один из солдат 30 декабря, – я никогда не забуду. В рождественский сочельник... все мои мысли были о доме. Рождество без почты, без посылок, без сигарет и шнапса, даже хлеба не было у нас вдоволь. Нет никаких перспектив на то, что скоро будет лучше» [30, S. 164]; «в этом году у нас был грустный рождественский праздник, без писем, без елки, без свечей, да собственно без всего...» [30, S. 161]. Большинство писем, отправленных 31 декабря 1942 г., несли на себе печать грусти и страдания. Солдат Алоиз Денгер (п/п № 18869 В) пишет

домой: «...Канун Нового года мы встречаем под девизом: “Хуже, чем сейчас, слава Богу, стать не может”» [17, с. 313]. Пессимизм и страх за собственную жизнь прослеживается практически во всех письмах, отправленных в этот день.

Немецкие солдаты постоянно находились под угрозой смерти: «снаружи» от противника и «изнутри» от голода и болезней. Опасность собственной смерти осознавалась каждым солдатом: «Нужно было считаться с этим, хотя надеялись, что она настигнет других, а не тебя самого», – рассказывал бывший летчик, находившийся в Сталинграде. Тем не менее, надежда на победу и спасение вытесняла на какое-то время страх перед смертью [25, S. 78]. Сознание в «котле» концентрировалось на конкретном, на жизненно важном, на необходимом для ежедневной жизни солдат: на еде, тепле, почте.

Новая фаза развития ситуации наступила с началом советского наступления в середине января 1943 г. Ее характерным признаком явился распад структуры обороны: к 18 января территория «котла» сократилась наполовину, был потерян аэродром Питомник. А 23 января площадь «котла» уменьшилась до одной четверти от его первоначальной территории, и армия потеряла свои последние аэродромы: Гумрак и Сталинградский.

Положение со снабжением становилось еще острее, чем прежде; начиная примерно с 15 января – т. е. примерно за две недели до окончательного краха – часть войск остается вообще без еды. Причиной такого поворота событий явилось, в первую очередь, резкое сокращение количества прилетавших в Сталинград самолетов. После потери Питомника они были вынуждены приземляться на намного меньшем по размерам и хуже оборудованном аэродроме Гумрак.

В январских письмах 1943 г. часто упоминается физическое самочувствие: «Пока еще хорошее здоровье»; или как выражение отчаянного настроения некоего, вероятно очень молодого, солдата: «Мама, я так ослаб и устал. Хорошо, что ты не видишь, как я бедствую. Но ты не можешь помочь мне». С одной стороны, собственное здоровье, которое подвергалось опасности от болезней и ранений, воспринималось как чудо, которое еще можно было спасти: «...Кто это выдерживал, возвращался домой здоровым». С другой стороны, как предчувствие, что скоро может прийти твоя очередь: «Несколько дней назад пал мой приятель Вилли, я все еще не могу понять это. Вот так уходит один за другим». Другой солдат спрашивает в письме к жене: «Чья очередь будет завтра или послезавтра?» и отвечает: «Здесь так произойдет с каждым» [25, S. 78].

Анализируя психическое состояние фронтовиков, стоявших перед миром смерти, американо-швейцарская исследовательница Элизабет Кубел-Росс выделила так называемые фазы «принятия смерти».

1. Нежелание принимать действительность и изоляция. «Если мы переживем январь и февраль 1943 г., значит, мы сделали это» (31.12.1942). «Надеюсь, это правда, что мы выйдем из окружения. Не нужно больше за меня переживать» (20.01.1943).

2. Ярость и сопротивление (спор с собственной судьбой и открытая агрессия): «В этой завшивленной холодной стране и с таким сбродом ничего не произойдет» (7.01.1943). «Мне приходится всегда быть там, где хуже всего, а у других дела идут более или менее сносно... Я только хотел бы знать, что мы такого сделали, что нам приходится испытывать это бедствие» (15.01.1943).

3. Ведение «переговоров» с судьбой (с помощью «хорошего поведения» солдаты ожидают отсрочки смерти): «Я не злюсь на судьбу за то, что она послала меня сюда» (1.01.1943). «Мы вынесем все, если мы выйдем отсюда невредимыми» (13.01.1943).

4. Депрессия (состояние внутреннего оцепенения отступает перед чувством ужасных лишений): «Мои дорогие! Иногда я молюсь, иногда проклиная свою судьбу. При этом все бессмысленно и бесцельно. Когда и как придет конец? Будет смерть от бомбы или гранаты? Это болезнь или хворь? Все эти вопросы все время занимают нас. К тому же постоянная тоска по дому и тоска по родине превращается в болезнь. Как

только человек может выносить это все! Являются ли все эти страдания карой Божьей? Если меня из-за этого письма поставят перед военным судом и застрелят, то, я хотел бы верить, для моего тела это было бы благом. У меня нет надежды, и я прошу вас, не плачьте, если вы получите сообщение, что меня больше нет» (31.12.1942).

5. Согласие (более или менее спокойно ожидание смерти): «'Аминь'. Разве это не последнее выражение преданности по отношению к своей судьбе, разве это не подводит итог под размышлениями, что он (солдат) был втянут в эту войну судьбой, от которой он не может убежать. Другие сейчас лежат в своей крови. Не будем ли мы завтра на их месте? И снова возникает этот проклятый вопрос, на который нельзя ответить логически...». «Я прощаюсь с тобой, так как сегодня с утра принято решение. Пройдет лишь несколько дней или часов... Я пишу эти строки с тяжелым сердцем... Я не испытываю никакого страха перед тем, что будет» (20.01.1943) [33, S. 156-157].

Таким образом, смерть воспринимали по-разному. Солдаты и офицеры 6 армии могли:

- сохранять надежду, хотя все говорило об обратном: «Как бы сейчас ни было, все однажды закончится»;

- или прославлять смерть как героический поступок: «Очень горжусь тем, что я как немецкий офицер могу участвовать в этом неповторимом героическом эпосе истории. Я прощаюсь с тобой»;

- или воспринимать ее как жертву, принесенную во имя отечества: «Германия, за нее стоит лежать в грязи... и не вставать»;

- или отдавать свою судьбу в руки Божьи: «Если бы только закончилась эта злосчастная война. Но это только в руках Божьих»;

- или смотреть собственной смерти прямо в глаза: «Я прощаюсь с тобой. Придет время, которое залечит раны моего невозвращения. Я не испытываю никакого страха перед тем, что будет».

Фатализм и отсутствие личной инициативы, проявившиеся в покорности воле Божьей или «судьбе» и в готовности принять смерть, находят свое выражение и в убеждении, что единственным выбором, который еще оставался у солдат, было выполнение своего долга. Быть при деле и выполнять свой долг означало для них возможность действовать и продолжать сражаться. «Многие уже свалились с копыт, – пишет автор одного письма из Сталинградского «котла» 7 января 1943 г., – но вопреки всему мы должны выстоять и выполнить свой долг, потому что мы не имеем права сгнуться здесь» [30, S. 223].

Вместе с тем в обстановке всеобщего господства смерти военнослужащие вермахта все чаще начинают задумываться о том, как их изменила война. Для того, кто ежеминутно стоит перед возможностью собственной гибели и несет гибель другим людям по принципу «если не он, то я», кто каждый день одного за другим хоронит друзей, смерть становится привычным элементом повседневной жизни, а ценность человеческой жизни существенно нивелируется. Ефрейтор К. Мюллер (п/п № 40886 Е) пишет родителям жены: «...Скажу вам лишь одно: то, что в Германии называют героизмом, есть лишь величайшая бойня... Могу на основании нашего опыта сказать: Сталинград стоил больше жертв, чем весь Восточный поход с мая по сентябрь...» [13, с. 25].

Ситуация для солдат обострялась и вследствие того, что пересылка писем из Германии осуществлялась нерегулярно и только в качестве дополнительного груза в транспортных самолетах. После окружения 6 армии полевая почта «была доставлена только 2 декабря и то в незначительном количестве» [32, S. 302]. В письме своей жене от 11 января 1943 г. обер-ефрейтор (п/п № 37764) замечает: «...Почта – это самая большая наша боль, и мы совсем уже было потеряли надежду. Мы должны просто ждать до тех

пор, пока не закончатся сражения на Дону, терпение – это то, что нельзя ни объяснить, ни, тем более, высказать» [36, S. 89].

С психологической точки зрения полевая почта была мостиком в прежний мир за пределами «котла», единственной нитью связи с родиной и семьей, которые воспринимались военнослужащими в условиях фронтовых реалий как противоположность отчужденной окружающей среды, как место, где все организовано, где царят мир и любовь. ««Германия», «родина» – эти слова криком вырываются у каждого из нас. И тогда предаешься иллюзиям, думаешь, как было бы прекрасно приехать домой... Строишь планы..., и тут снова приходит реальность, голая, жестокая, ужасная, не считающаяся с конкретным человеком...» [20, с. 264].

Хотя мысли о родине и семье служили солдатам и офицерам своего рода психологическим компенсатором, писать домой им было явно тяжело. Частично это объяснялось тем, что они просто не могли рассказать о той ситуации, в которой находились. Большая сдержанность, с которой они пишут о своем положении, была, наверняка, связана с тем, что они знали: их письма просматриваются военной цензурой. Военная цензура в условиях «котла», по мнению немецкого историка В. Ветте, приобретает большее, чем в обычной обстановке, значение. Солдаты знали об органах цензуры, которые они называли «комиссиями по вынюхиванию» [37, S. 90]. Так, один из солдат сообщает своим родным 15 января 1943 г.: «О том, что здесь происходит, я не могу тебе больше ничего сказать, мы все еще находимся в “котле”. Что здесь происходит, ты ежедневно слушаешь в сводках вермахта про Сталинград. Позже, когда все закончится, я тебе расскажу кое-что» [30, S. 232]. Об этом же написано в другом письме от 21 января 1943 г.: «Что здесь творится, ты не раз слышал в сообщениях вермахта. Об обстановке в последнее время ты, наверное, тоже узнал несколько дней назад по радио или из прямых источников. Положение здесь очень серьезное. ...Но я прошу тебя не заниматься болтовней о том, что здесь происходит...» [30, S. 234].

Очевидным представляется то, что солдаты и офицеры не хотели беспокоить своих друзей и родных описаниями того, что у них происходило. Вполне вероятным является также, что фронтовики боялись признаться самим себе, в какой отчаянной ситуации они находятся, и гнали прочь сами мысли о ней.

Январские письма 1943 г. адекватно отражают состояние человека на грани жизни и смерти. «То, что с нами случилось за последнее время, не надо никому рассказывать... Никто не предполагал, что нам придется еще раз переживать такие времена...»; «Часто задаешь себе вопрос: к чему все эти страдания, не сошло ли человечество с ума? Но размышлять об этом не следует, иначе в голову приходят странные мысли, которые не должны были бы появляться у немца»; «Все это не поддается описанию, и никто не знает, сколько это продлится... Надежды на освобождение тают с каждым днем... Я никогда не думал, что придется пережить такое, и мое убеждение – война не должна повториться»; «Хватит, мы с тобой не заслужили такой участи... Если мы выберемся из этой преисподней, мы начнем жизнь сначала. Пришло время, чтобы фюрер освободил нас. Да, Кати, война ужасна, я все это знаю как солдат. До сих пор я не писал об этом, но теперь молчать уже нельзя» [13, с. 44-45, 59]. Полное отчаяние охватывает военнослужащих. Ефрейтор (п/п № 06897) пишет своей жене 1 января 1943 г.: «Наше положение становится все трудней. Мы просто погибаем. Если вскоре ничего не произойдет, мы все умрем. Мы уже потеряли мужество. Нам обещали помощь, но судьба распорядится иначе» [16, с. 90].

В этой ситуации общее моральное состояние 6 армии («повсеместный пессимизм») чрезвычайно беспокоило военное командование Германии. В одном из писем от 21 января 1943 г. немецкого фронтовика, ветерана Первой мировой войны, можно прочитать: «...Люди убеждают самих себя, что мы вряд ли выиграем войну, если мы зимой снова

потеряем половину того, чего добились летом. На северном участке мы значительно отодвинулись назад как в конце прежней зимы. Как мы можем побить русского при таких обстоятельствах. В общем и целом, кажется, в этом году конец войне еще не наступит». Позже этот же фронтовик сравнивает сложившуюся ситуацию с положением Германии в 1917–1918 гг. Он пишет: «Мы находимся, несмотря на наше гораздо выгодное положение, в похожей ситуации, как в 1917–1918 гг., во всяком случае, что касается “настроения”. Прямо здесь, на фронте слышишь все те же жалобы об отказе офицеров, точно так же, как и в Первую мировую войну, тем более, после того, как большая часть действующих офицеров убиты или ранены. Теперь большей частью появляются 19–20-летние лейтенанты, у которых нет никакого опыта, и поэтому большей частью они не воспринимаются всерьез старшими и более опытными солдатами» [31, S. 175].

В этой связи в соответствии с директивой разведотдела Верховного командования вермахта на военную цензуру были возложены функции не только регистрации военной почты, но и задачи подготовки строго секретных документов, по которым можно воссоздать «нефальсифицированную картину настроений в армии». В первом отчете (за 14–22 декабря 1942 г.), для которого было проанализировано 10 000 писем, настроение солдат 6 армии еще оценивалось как «спокойное на 90%», а их поведение как «в высшей степени дисциплинированное, хотя и с отдельными исключениями». Отмечалась «всеобщая готовность к жертвам во имя фюрера, народа и отечества». Но указывалось, что растет недовольство по поводу малого количества еды. Жалобы солдат на холод, скверное снабжение и плохую организацию ухода за ранеными относились к категории досадных недоразумений. Правда, в завершении отмечается: «Следует ожидать снижение общего настроения из-за того, что тает надежда на скорое наступление, сократилось количество оружия, продовольственного снабжения и почты, а также из-за нехватки продовольствия». Тональность второго отчета (за 22 декабря 1942 г. – 9 января 1943 г.) меняется весьма существенно. Настроение войск оценивается еще «неизменно хорошим» и даже «героическим», но уже на 70%, а выдержки из писем, которые должны были стать основанием для этих выводов, служили, скорее, их опровержением: «Если мы выйдем из котла, то все окажемся в лазарете»; «Каждый из нас похож на свою смерть, осталась только кожа и кости»; «Надеюсь, я окончательно отморожу ноги и попаду в госпиталь». Доверие к фюреру и надежда на обещанную от него помощь еще сильны у многих солдат: «Несмотря на все, мы держимся, как и обещали фюреру, и то, что он обещал, он сдержит».

Однако от внимания цензоров не ускользнуло и то, что значительная часть вскрытой корреспонденции оказалась фактически прощальными письмами. «Можно уже вообще ни о чем не думать, безумие и отчаяние могут довести до сумасшествия»; «Когда я вчера был на передовой, один боец попросил меня, чтобы его поскорее отправили в тыл. В его подразделении 2 бойца в таком же моральном состоянии, они плакали как маленькие дети». У многих же исчезает надежда на деблокирование: «На этом холоде наши подразделения не пройдут вперед, кроме того, кольцо окружения уже слишком сильное. У нас большие потери. Если так пойдет дальше, русский скоро прикончит нас».

В третьем отчете, охватывающем период до 16 января, достаточно откровенно сказано, что у солдат «нет никаких надежд на освобождение, раздаются сомнения в том, есть ли еще выход»; «наступило всеобщее оупение, все думают только о еде» [31, S. 94].

С усложнением ситуации появляется все больше фактов нарушения солдатами приказов своих командиров, а также общего падения боевого духа и дисциплины в 6 армии. Полковник В. Адам отмечал: «Я не понимал, как могли так быстро пасть духом немецкие войска, как случилось, что так безвольно отступали те самые солдаты, которые всего несколько месяцев назад, уверенные в победе, шествовали по донским степям. Был ли это страх за собственную жизнь? Или боязнь плена? Усомнились ли они, наконец, в

самом смысле войны» [1, с. 187]. В среде военнослужащих усиливается процесс разобщения, главенствующим становится правило – «каждый сам за себя». Значительному количеству солдат стала безразлична судьба большинства их сослуживцев. Уже упомянутый Х. Шретер отмечал: «Четырьмя-пятью рядами солдаты в панике тянулись по степям и дорогам, каждый думал о себе, более сильные обгоняли более слабых, тягачи и гусеничные машины ехали, не обращая внимания на потери – кто не мог или не успел отскочить в сторону, попадал под колеса или гусеницы. ...О дисциплине не было и речи, каждый командовал, кричал и приказывал. Вперед прорывался тот, у кого был более сильный голос и более мощная машина» [20, с. 97, 107].

С середины января 1943 г. большинству военнослужащих 6 немецкой армии становится окончательно ясной их дальнейшая судьба. Через призму эпистолярных источников ощущается безвыходное положение, в котором оказались солдаты. В письмах, датированных первой половиной января 1943 г., главным становится мотив предчувствия смерти: «Мы никогда уже не покинем Россию»; «Каждый из нас здесь погибнет». В письмах из сталинградского «котла» почти нет нацистских пропагандистских штампов. «Мы не часто спрашивали в Сталинграде о смысле событий, – свидетельствует ветеран сражения на Волге (впоследствии известный историк философии) Вильгельм Раймунд Байер, – мы не часто думали об этом. Все это пришло позднее». Но, убежден он, пребывание в «котле» «сформировало нас и наше мировоззрение», «определило нашу жизнь, перевернуло ее». Тот, кто был там, «стал другим человеком». Сталинград явился «поворотом в судьбе тех, кто прежде не хотел ни слышать, ни видеть, ни думать» [24, S. 10, 12-13, 23, 40, 59].

Находясь на грани психологического и физического истощения, военнослужащий вермахта зачастую желал любого завершения своих мучений. 15 января 1943 г. один из немецких солдат написал домой: «У меня, а также почти у всех моих товарищей, только лишь одно желание – как можно быстрее убежать из этого рая рабочих и ничего больше об этом не слышать и не видеть. Мы лишь хотим – мира и покоя, и иметь достаточное количество еды. Все так же с нетерпением ожидают конца, как и я» [30, S. 228]. Надежда на освобождение, даже если она и присутствовала, носила некий виртуальный характер. Солдат Ганс Вальц (п/п № 41000) отмечает: «...Я слышал, что нас скоро вытащат отсюда, но когда и куда – неизвестно» [17, с. 314]. Реже эти надежды касаются чего-то конкретного, что действительно могло бы их спасти, например, подкрепления или прорыва из «котла».

Обратной стороной растущего отчаяния и паники становится все большее падение воинской дисциплины, что особенно проявляется в январе 1943 г. Солдаты уже не желали «умирать по приказу», учащаются случаи полной анархии в частях. «Стало обычным, – вспоминал В. Адам, – что солдаты без разрешения покидали свои позиции. Нам доносили об отказах повиноваться» [1, с. 195].

По наблюдениям майора 6 танковой дивизии Х. Шайберта, паника «распространяется, если ее не подавить сразу, с невероятной быстротой. Она нападает быстрее на неукрепленные подразделения» [35, S. 129]. Об этом же пишет в своей работе «Сталинград» офицер пехоты 6 армии Х. Цанк: «В эти дни мы старались удерживать собственных солдат от паники. Вера в еще возможное деблокирование извне и даже в собственное освобождение из кольца была полностью утеряна. Речь могла идти только о том, чтобы “продаться как можно дороже”, соблюсти интересы солдат и оттянуть гибель армии, как только можно» [40, S. 62]. Истощенные до предела военнослужащие в этой ситуации игнорировали практически все приказы офицеров. Солдатам, независимо от национальности (немцам, хорватам, румынам), было все равно, как и где умереть, лишь бы больше не воевать и не чувствовать над собой полную власть офицеров. В донесении 6 армейского корпуса констатируется рост разложения в войсках после того, как стал

известен провал деблокирующего наступления. К документу прилагались также рапорты о нарушениях дисциплины, оставлении позиций, уходе в Сталинград, неповиновении приказам и самострелам [4, с. 249]. «Они (солдаты) залезали в любые щели, в машины, подвалы и вылезали оттуда только тогда, когда слышали гул немецких самолетов, сбрасывавших груз с продовольствием. Они подбирали все, что находили, набивая свои утробы твердокопченной колбасой и пумперникелем. На территории расположения четырех дивизий на западе и юге Сталинграда за восемь дней были приведены в исполнение триста шестьдесят четыре смертных приговора. ...Крали в открытую. Хлеб ценился больше всего. Если бы расстреливали каждого, кого заставляли за кражей куска хлеба, то армия через неделю лишилась бы пятой части своего личного состава», – пишет Х. Шретер [20, с. 243, 248].

Начиная с 28 января, питание стали выдавать только солдатам на передовой – другими словами, до того, как оказаться в плену, многие больные уже в течение 3–5 дней никакого питания не получали [11, с. 318].

Единого командования в этой критической ситуации уже не существовало, диапазон приказов и рекомендаций колебался от угрозы расстрелять любого, кто готов капитулировать, до совета солдатам действовать по собственному выбору – либо пробиваться на запад, либо сдаваться в плен, либо отходить к центру Сталинграда.

В результате ликвидации 2 февраля 1943 г. «котла» под Сталинградом советскими войсками было взято в плен порядка 90 тысяч немецких солдат и офицеров. Сталинградская катастрофа оказала дестабилизирующее воздействие не только на фашистских солдат и офицеров на фронте, но и на гражданское население в Германии. На фронт пошли встревоженные письма близких и родных военнослужащих, наполненные теперь уже тревогой за собственную жизнь. В письме от 3 февраля 1943 г. сыну К. Крамеру (п/п № 05249) Эмм Крамер пишет: «...То, что случилось под Сталинградом, не дает никому ни минуты покоя. Ах, хоть бы кончилась поскорее эта колоссальная жуткая бойня!..» [13, с. 69]. В февральских письмах тема окружения 6 армии стала главной. Отец пишет сыну на Восточный фронт: «...Ты не можешь себе представить, как был удручен весь народ, когда по радио объявили, что 6 армия вынуждена была сдаться. Люди плакали на улицах...» [11, с. 55].

События под Сталинградом стали важным фактором усиливавшегося процесса формирования пораженческих настроений в среде немецких фронтовиков. На допросе в советском плену 22 февраля 1943 г. ефрейтор 6 роты 338 пехотного полка 208 пехотной дивизии К. Шмидт заявил: «...Трагедия под Сталинградом произвела на всех солдат гнетущее впечатление. Солдаты между собой говорят, что полтора года ожесточенной борьбы с русскими пошли одним махом насмарку. Сколько жертв и лишений оказались напрасными!». В подобном же тоне высказывался на допросе и ефрейтор 3 батальона 500 пехотного полка 321 пехотной дивизии Адольф Зайденштюккер: «Настроение мое и моих товарищей в связи с известиями о Сталинграде подавленное, граничащее с безразличием к исходу войны. Многие солдаты раньше горячо желали и твердо верили в победу Германии. Но последний удар заставил нас призадуматься, возможна ли еще для Германии победа...» [13, с. 74].

Для военнослужащих вермахта это поражение стало сильнейшим потрясением. Они осознали возможность погибнуть в этой войне, так и не увидев расцвет «новой великой Германии». Потрясением для солдат и офицеров вермахта был тот факт, что их непобедимая доселе армия потерпела самое жестокое поражение с начала Второй мировой войны, и победителем в этой схватке выступили советские воины, которых немцы считали людьми «низшего сорта». Немецкие историки и мемуаристы считают, что на Волге не только были разгромлены лучшие соединения вермахта, но и сломлен моральный дух

солдат и офицеров. «Поражение под Сталинградом, – признавал впоследствии генерал Вестфаль, – повергло в ужас как немецкий народ, так и его армию» [14, с. 26].

Согласно одному из сообщений службы безопасности СС, трагическое положение 6 армии резко изменило оценку населением общей ситуации на фронте. «В обществе, – подчеркивалось в донесении от 4 февраля 1943 г., – господствует убеждение, что Сталинград стал переломным моментом в войне». И далее следовал вывод, что «широкие круги населения пребывают в глубоком пессимизме» [7, с. 552]. Впервые с начала войны жители германских городов и сел вместо бравурных маршей услышали погребальный звон церковных колоколов.

Комментарии к статье Молоткова С.Н. «Трансформация морально-психологического облика военнослужащих шестой армии вермахта в Сталинградском «котле» доцента кафедры государственного и муниципального управления ВГБОУ ВПО «РАНГХиГС» (Тамбовский филиал) к.ист.н. Антимонова М.Ю. и рекомендация к печати.

Список литературы:

- 1) Адам В. Трудное решение. Мемуары полковника шестой германской армии / пер. с нем. – М., 1967. – 496 с.
- 2) Белов Н. Я был адъютантом Гитлера / пер. с нем. – Смоленск, 2003. – 526 с.
- 3) Борозняк А. И. Катастрофа вермахта под Сталинградом. Письма немецких солдат из Сталинградского окружения // Проблемы истории второй мировой войны: сб. ст. – Волгоград, 2000. – С. 13-24.
- 4) Вельц Г. Солдаты, которых предали: записки бывшего офицера вермахта / пер. с нем. – Смоленск, 1999. – 416 с.
- 5) Видер И. Катастрофа на Волге. Воспоминания офицера разведки 6 армии Паулюса / пер. с нем. – М., 1965. – 336 с.
- 6) Война Германии против Советского Союза 1941–1945. Документальная экспозиция / под ред. Р. Рюрюпа. – Berlin, 1992. – 287 с.
- 7) Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований / пер. с нем. – М., 1997. – 520 с.
- 8) Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма: Исторические очерки. Документы и материалы: в 2 т. Т. 2. – М., 1973. – 663 с.
- 9) Еременко А. И. Сталинград. Записки командующего фронтом. – М., 1961. – 504 с.
- 10) Лезер И. Из воспоминаний командира пехотного батальона // Россия и Германия в годы войны и мира (1941–1945): сб. ст. – М., 1995 – С. 153-168.
- 11) Мир, признательный Сталинграду. Воспоминания. Телеграммы. Воззвания. Заявления. Дневники. Интервью. Послания. Статьи. Письма. – Нижнее-Волжское кн. изд-во, 1973. – 175 с.
- 12) Мировая война: Взгляд побежденных, 1939–1945 гг. / пер. с нем. – М., 2003. – 736 с.
- 13) Разгром немцев под Сталинградом. Признания врага. – М., 1944. – 80 с.
- 14) Роковое решение / пер. с англ. – М., 1958. – 319 с.
- 15) Сталинград. События. Воздействие. Символ / пер. с нем. – М., 1995. – 527 с.
- 16) Сталинградская битва. Хроника, факты, люди: в 2 кн. Кн. 2. – М., 2002. – 572 с.
- 17) Сталинградская эпопея: Впервые публикуемые документы, рассекреченные ФСБ РФ. – М., 2001. – 480 с.
- 18) Фридман Я. Состояние немецко-фашистской армии после поражения под Москвой // Вторая мировая война. Кн. 2. Военное искусство. – М., 1966. – С. 167-175.
- 19) Чуйков В. И. Начало пути. – Волгоград, 1967. – 382 с.
- 20) Шретер Х. Сталинград. Великая битва глазами военного корреспондента / пер. с англ. – М., 2004. – 315 с.
- 21) Штейдле Л. От Волги до Веймера. Мемуары немецкого полковника командира полка 6-й армии Паулюса / пер. с нем. – М., 1973. – 424 с.
- 22) Эдлер Х. Поколение обманутых и преданных. Записки бывшего солдата вермахта. Пережитое, размышления, выводы / пер. с нем. – СПб., 1996. – 196 с.
- 23) Bertelsman C. Letzte Briefe aus Stalingrad. – Güterslah, 1957. – 288 S.
- 24) Beyer W. R. Stalingrad. Unten, wo das Leben konkret war. – Frankfurt-am-Main, 1987. – 835 S.
- 25) Canetti E. Masse und Macht. – Frankfurt-am-Main, 1980. – 348 S.
- 26) Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 6. – Stuttgart 1990. – 1184 S.
- 27) Feldpostbriefe aus Stalingrad / Hrsg. J. Ebert. – Göttingen, 2003. – 406 S.

- 28) Fritz G. *Die Hölle von Stalingrad*. – Wien, 1993. – 129 S.
- 29) Gartz A. *Stichwort «Front»: Tagebuch eines jungen Deutschen 1938–1942*. – Leipzig, 1987. – 367 S.
- 30) «Ich will raus aus diesem Wahnsinn». *Deutsche Briefe von der Ostfront 1941–1945 (aus sowjetischen Archiven)* / Hrsg. Anatoli Golovchansky. – Wuppertal, 1991. – 316 S.
- 31) Kempowski W. *Das Echolot: ein kollektives Tagebuch Jan. und Feb. 1943. Bd. 1-3*. – München, 1993. – 762 S.; 696 S.; 809 S.
- 32) Kehrig M. *Stalingrad. Analyse und Dokumentation einer Schlacht // Beiträge zur Militär- und Kriegsgeschichte. Bd. 15*. – Stuttgart, 1974.
- 33) Kubel-Ross E. *Interviews mit Sterbenden*. – Stuttgart, 1969. – 264 S.
- 34) Laffler K. *Aufgehoben: Soldatenbriefe aus dem zweiten Weltkrieg. Eine Studie zur subjektiven Wirklichkeit des Krieges*. – Bamberg, 1992. – 380 S.
- 35) Scheibert H. *Zwischen Don und Donez. Winter 1942/43*. – Neckargemund, 1961. – 156 S.
- 36) *Stalingrad – eine deutsche Legende* / Hrsg. J. Ebert. – Hamburg, 1992. – 191 S.
- 37) *Stalingrad. Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht* / Hrsg. W. Wette. – Frankfurt-am-Main, 1992. – 317 S.
- 38) Sundermann H. *Tagesparolen. Deutsche Presseweisungen 1939–1945. Hitlerspropaganda und Kriegsführung*. – Bruffel, 1973. – 320 S.
- 39) Wich R. *Die grosse Wende in der Schlacht um Moskau*. – Karlsruhe, 1957. – 80 S.
- 40) Zank H. *Stalingrad. Kessel und Gefangenschaft*. – Berlin; Bonn, 1993. – 232 S.